

71 год тюрьмы, запрошенные прокурором для пятерых подсудимых из "ОПГ Омских спортсменов", вызвали буквально шквал возмущения профессиональных защитников...

В Советском районном суде г.Омска продолжается рассмотрение резонансного уголовного процесса, получившего расхожее название «дело Омских спортсменов». Напомним, пятерым подсудимым инкриминируется участие в более 20 криминальных эпизодах в составе организованной преступной группы. Потерпевшие и свидетели обвинения – сплошь знакомые между собой молодые люди, которые, как утверждают подсудимые, совместно занимались реализацией наркотиков на территории Омска под крышей правоохранительных органов. Когда «омские спортсмены» самостоятельно разоблачили наркобарыг и фактически пресекли их преступную деятельность, за тех вступились... силовики. Задним числом на «группу борцов с наркобарыгами»... возбудили уголовное дело, собрали компромат полугодовой свежести, основанный только на показаниях заинтересованных лиц. Заказной характер «уголовки» у многих (особенно у тех, кто хоть раз побывал на процессе) уже не вызывает сомнений. Отсюда – повышенный интерес к происходящему в судебном следствии, к показаниям «потерпевших-свидетелей», а теперь – к прениям сторон.

О выступлении прокурора Ольги Сухомлиновой, адвокатов Александра Никифорова и Евгения Забуги мы рассказали в прошлом своем отчете из зала суда (см. <http://bk55.ru/news/article/68679>). На второй день в прениях слово вновь держали адвокаты подсудимых. Эмоционально, фактурно, доходчиво и, главное, сравнительно кратко выступила защита Станислава Евы. По этой «причине» речь адвоката Марины Жеба мы публикуем практически без цензуры. Впрочем, подопечному защитницы

инкриминировано «всего» 5 эпизодов, а прокурор запросила ему «минимум» в 11 лет строгача.

Прокурор – адвокату... не товарищ

«Уважаемый суд!

Мой подзащитный Ева Станислав Рамизович обвиняется в совершении преступлений, предусмотренных п. а ч. 3 ст. 161, п. а ч.3 ст. 163, п. а ч.4 ст. 158 УК Российской Федерации.

Мне, как профессиональному защитнику, на стадии прений очень не просто реализовать свои права, предоставленные УПК РФ.

Согласно Уголовно-процессуального кодекса РФ уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон. Также статья 14 Уголовно-процессуального кодекса определяет порядок доказывания – бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения!!!

Статья 292 Уголовно-процессуального кодекса РФ указывает, что в прениях сторона обвинения всегда выступает первой.

Для чего законодатель определил эти непереносимые условия при рассмотрении уголовного дела в суде? Выступая в прениях, представитель обвинения при вынесении обвинительного заключения обязана огласить по КАЖДОМУ ЭПИЗОДУ, вменяемому подсудимому, доказательства, подтверждающие, что имело место само событие преступления, время, место, доказательство участия подсудимого, доказательство его вины в наступивших последствиях. И только после приведения всех доказательств обвинения, с речью выступает защитник, опровергая каждое доказательство, приведенное стороной обвинения.

В данном уголовном деле сторона обвинения фактически самоустранилась от функции доказывания, переложив это на плечи суда. А именно:

По «потерпевшему» Дюкову

Подсудимым сторона обвинения вменяет целых три эпизода с Дюковым. Даты совершения вменяются – июнь, июль, август.

В прениях обвинение говорит: полагаю, что одним из доказательств является судебно-медицинская экспертиза. К сожалению, в прениях нет возможности задать вопрос стороне обвинения. Но лично, как защитник, я так и не поняла: а к какому из трех эпизодов сторона обвинения пытается «приклеить» вышеуказанную экспертизу? Или обвинение полагает, что одну и ту же «ссадину» подсудимые царапали на голове потерпевшего три месяца?!

Я полагаю, что заключение судебно-медицинской экспертизы, является доказательством скорее стороны защиты. Согласно заключению № 17507 у Владимира Дюкова обнаружены лишь ссадины. Даже синяков и кровоподтеков не обнаружено. Не

обнаружено ни следов, ни шрамов от ожогов. А он в своих показаниях только по эпизоду в бане заявил о нанесении ему 56 ударов, от которых, как он пояснил, терял сознание. Последствия травмы головы, в том числе сотрясение, сейчас достаточно точно определяется Магнитно-резонансной томографией. Даже спустя 3-4 месяца. Наверняка при проведении экспертизы эксперт ему посоветовал пройти такое обследование. Но Дюков уклонился. Потому как знает, каким будет вывод специалистов.

Жила, не... зная с кем!

Возвращаюсь к тому, что сторона обвинения не дала подробный расклад, чем доказывается, по ее мнению. каждый эпизод в отдельности.

В настоящем уголовном деле (это я уже осуществляю функции экстрасенса, пытаюсь проникнуть в сознание обвинения и пытаюсь догадаться, что же имело в виду обвинение, говоря, что «оглашены показания потерпевших и свидетелей, поэтому преступление доказано»). В отношении эпизода с Дюковым, были допрошены лишь сам Дюков и его сожительница Брушневская. От остальных свидетелей обвинение отказалось, ничем не мотивируя.

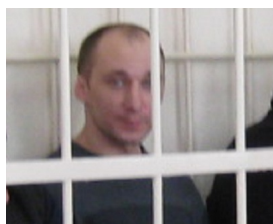
Полагаю, что показания госпожи Брушневской не могут быть положены в основу обвинительного приговора, так как данный свидетель при допросе на предварительном следствии, во-первых, являлась сожительницей Дюкова. Во-вторых, тем более вызывает сомнение правдивость показаний сожительницы, которая пояснила суду, что она «не знала, что он употребляет наркотические средства».

Все лица, допрошенные в судебном заседании, указали на Дюкова, как на лицо, активно и систематически употребляющее наркотические средства. Свидетели и подсудимые также поясняли, что он регулярно вел себя неадекватно, то нервничал, то беспричинно смеялся. В конце концов, приговор суда по ст. 228 УК РФ в отношении Дюкова подтверждает его причастность к наркотикам. А Брушневская утверждает, что «не знала о пристрастии гражданского мужа к наркотикам». В связи с этим прошу суд критически отнестись к показаниям Брушневской и признать их недостоверными.

Баня «Тихий берег»

Не могу не высказать целый букет сомнений в отношении «трагических» событий, происходивших в бане «Тихий берег».

Полагаю, что показания Дюкова полностью опровергает свидетель Лакиза О.Г. – администратор бани, допрошенная в судебном заседании 21.01.2016 г. Свидетель Лакиза пояснила суду, что, действительно, ребята и Дюков находились в указанный день в бане. Но твердо пояснила, что каких-либо криков, шума борьбы и даже просто скандала в тот день в бане не было, потому как «стена между сауной и помещением администратора очень тонкая и слышно буквально все, что там происходит». Далее, свидетель пояснила, что все выходившие из бани, включая Дюкова, «были опрятны, ни у кого не было признаков насильственных действий». А разве таковое было бы возможно после описываемых Дюковым 56-и ударов?

Полагаю, что показания подсудимого Евы С.Р. о том, что его вообще не было при общении с Дюковым согласуются с показаниями свидетеля Батрака Дениса Николаевича, который был допрошен в судебном заседании 21.01.2016 г., и который четко указал, что автомобиль, который он лицезрел, в котором сидел потерпевший Дюков, был «Мерседесом», но не черного, а СЕРЕБРИСТОГО цвета.

Дюков при допросе на предварительном следствии от 18.10.2013 г. также указывает на автомобиль серебристого цвета. Таким образом, цвет автомобиля остается неустановленным.

Номер автомобиля марки «Мерседес» не указывает ни один из потерпевших.

Привязывать подсудимого Еву С.Р. к данному эпизоду только в связи с тем, что он в тот период времени ездил на автомобиле «Мерседес», было бы необоснованно и недостаточно.

Таким образом, показания свидетеля Батрака опровергают показания Дюкова и подтверждают показания подсудимого Евы С.Р. о том, что он «не участвовал в событии с Дюковым и не присутствовал при обстоятельствах, на которые указывает Дюков». Подсудимый Ева С.Р. вообще не присутствовал при данном событии. Один из немногих, подсудимый Ева С.Р. не отказывался, а давал показания непосредственно сразу же после задержания, где четко указывал, что он «никогда не был на встрече с Дюковым», что «Дюкова вообще не знает». Он указывает поминутно, как и где провел этот день и вечер. Но сторона обвинения отказалась от вызова в суд свидетелей, которые подтверждали довод Евы на предварительном следствии.

«Метаморфозы» памяти

В заявлении в полицию от 26.08.2013 г. Дюков В.В. указал, что «просит привлечь к ответственности 3-х лиц».

Здесь же называет имена: «Заза, Константин, Александр». И все. Не указывает ни о четырех лицах, ни о двух, ни о десяти. О подсудимом Еве С.Р. речи даже не идет.

А спустя 8 (восемь - !) месяцев, в апреле 2014 года, у Дюкова В.В. вдруг включается память, и, вместо трех, обидчиков становится уже 6 человек. Спустя те же 8 месяцев, он вдруг отчетливо вспоминает, как они все выглядели, в том числе, как выглядел Ева С.Р. Особенно «потерпевший» разглядел прическу моего подзащитного и цвет его волос. Но никак не обратил внимание на ампутированное на треть ухо подсудимого Евы С.Р. Хотя

оно находится как раз на уровне прически.

При допросе в судебном заседании от 16.04.2015 г. Дюков В.В. буквально оговорил моего подзащитного Еву С.Р., первоначально указывая на него, как на лицо, забравшее у него сумку. Правда, после оглашения протокола его допроса, в котором он указывает на иное лицо, завладевшее сумкой, Дюков В.В. равнодушно пояснил, что он... «ошибся», указывая на Еву С.Р.! Как обязывает пункт 3 статьи 14 Уголовно-процессуального кодекса РФ, «все сомнения в виновности обвиняемого, толкуются в пользу обвиняемого».

Эта сбивчивость в показаниях Дюкова В.В., его бурная фантазия, в которой он указывает, что в бане ему нанесли 56 ударов, после чего он вышел опрятный и чистый, без следов побоев, что подтвердила администратор бани, вызывает сомнения в правдивости и искренности всех его показаний.

Допрошенный в судебном заседании 23.07.2015 года свидетель Борисов пояснил суду, что он работал вместе с Дюковым по установке сантехники. Дюков, со слов Борисова, «всю работу сваливал» на Борисова, а платил Борисову «меньше, чем себе». Полагаю, что это также характеризует Дюкова, как человека нечестного.

Мотивация «потерпевшего»

Прошу суд обратить внимание на дату проведения опознания Евы Станислава Рамизовича потерпевшим Дюковым В.В.. Дата проведения 03.04.2014 г. А уголовное дело в отношении Дюкова по факту хранения наркотических средств в крупном размере продолжалось с 02 февраля 2014 года (когда был задержан Дюков сотрудниками

полиции) и до 09.04 2014 года. В тот период, когда сам Дюков В.В. являлся обвиняемым по делу о хранении наркотических средств в крупном размере. Вполне естественно, что лицо, находящееся в таком зависимом положении, не может давать правдивые и объективные показания, когда его судьба лежит в руках правоохранительных органов...

Прошу суд исключить из числа доказательств по уголовному делу протокол опознания Евы Станислава Рамизовича Дюковым В.В., так как подсудимый опознавался, согласно пояснениям Дюкова, не по росту, не по строению тела, не по одежде, а исключительно «по цвету волос, прическе, по форме носа». То есть, рассматривал «потерпевший» моего подзащитного не целиком, а только верхнюю часть головы. А у подсудимого Евы Стаса Рамизовича есть очень характерное отличие – у него отсутствует 1/3 часть уха. При рассмотрении прически, невозможно это не заметить. У двух других статистов такая отличительная особенность отсутствовала. Естественно, что Ева из трех предъявленных лиц оказался самым приметным и самым выделяющимся.

Таким образом, нарушено главное условие при опознании лица – «значительное сходство статистов с подозреваемым, с целью объективного узнавания лица, совершившего преступление».

На основании изложенного протокол опознания от 03.04.2014 г. прошу признать недопустимым доказательством по делу в соответствии со ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Месть за «бизнес»

Далее. Допрошенный в судебном заседании 16.07.2015 г. Борисов пояснил суду, что из автомобиля «Мерседес» никто не нападал ни на Дюкова, ни на самого Борисова.

Напарник по работе Борисов фактически охарактеризовал Дюкова, как человека, склонного к нечестности и обману, так как деньги на покупку автомобиля у него Дюков занял еще в 2011 году, но не отдал ни на момент событий 2013 года, не отдал он напарнику денежные средства и до настоящего времени.

Охранник кафе Аскеров, допрошенный в судебном заседании 24.12. 2015 г., пояснил, что Дюков являлся завсегдатаем кафе, охарактеризовал Дюкова, как лицо, «употребляющее наркотические средства в течение полутора (!!!!) лет» и «регулярно в связи с этим находящееся в неадекватном состоянии».

Сожительница Дюкова Брушневская Я.И. пояснила, что Дюков ей постоянно изменял, из-за его хронических измен они и разошлись. Уж если он регулярно обманывает близких людей, напарников по работе, то в отношении лиц, которые ему поломали крупный бизнес по торговле наркотическими средствами, какие он мог дать показания? Достоверность их вызывает огромное сомнение. Прошу суд признать показания Дюкова, данные на предварительном и в судебном следствии недостоверными в соответствии со ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Таким образом, по эпизоду с Дюковым полагаю, что стороной обвинения необоснованно предъявлено обвинение Еве Станиславу Рамизовичу. Сторона обвинения не представила суду каких-либо доказательств участия моего подзащитного в инкриминируемых деяниях. По данному эпизоду прошу моего подзащитного Еву Станислава Рамизовича оправдать в полном объеме.

Узнал по... «Мерседесу»?!

В отношении эпизода с потерпевшими МIRONENKO и ЧУДИНОВЫМ.

Опять обращаюсь к действию статьи 14 Уголовно-процессуального кодекса РФ, которая обязывает именно сторону обвинения доказывать вину подсудимого и опровергать доводы стороны защиты и доводы подсудимого.

Подсудимый Ева С.Р. вину в данном деянии не признал, суду пояснил, что ни МIRONENKO, ни ЧУДИНОВА «не знал и не знает». Пояснил суду, что все подсудимые не являются ни его друзьями, ни приятелями. Видел нескольких из них в связи с работой таксиста, не более того. Пояснил, что летом, занимаясь частным извозом, клиентов находил, в том числе, и возле кафе на 4-ой Поселковой.

Потерпевший МIRONENKO Олег Васильевич, допрошенный в судебном заседании 13.08.2015 г. суду пояснил, что среди лиц, находящихся в судебном заседании, Еву С.Р. он «не знает». Описывая события в судебном заседании, о Еве С.Р. даже не упоминает. Пояснил, что на улице был какой-то «Мерседес», но не указывает ни цвет, ни номер автомобиля. Наоборот, показал суду, что не знает, кто находился в «Мерседесе». Положить такие показания в основу обвинительного приговора в отношении Евы С.Р. было бы очень нелепым и абсурдным.

Пункт 5 статьи 14 Уголовно-процессуального кодекса РФ говорит о том, что «приговор не может быть основан на предположениях».

«Закладчик» Прохоров

В отношении эпизода с потерпевшим Прохоровым. В отношении инкриминируемых деяний стороной обвинения не представлено ни единого доказательства того, что такое событие, вообще, имело место.

Не доказана вина ни одного из лиц, и тем более присутствие при каких-либо кражах и вымогательствах моего подзащитного Евы С.Р. Вызывают сомнения показания самого потерпевшего. Стороне защиты даже нет необходимости доказывать обстоятельств употребления Прохоровым наркотических средств. «Потерпевший» гражданин Прохоров был дважды осужден по статьям 228 Уголовного кодекса РФ – один раз до указанных событий и второй – уже в 2014 году, в период проведения предварительного следствия по данному уголовному делу. Прохоров с 2005 года по настоящее время, то есть уже довольно давно и регулярно употребляет наркотические средства. Как известно, действие наркотиков пагубно влияет на психику человека, вызывает галлюцинации, у человека наступает затуманенность в сознании. Как можно утверждать, что человек, являясь хроническим наркоманом, «дает ясные и правдивые показания»?!

Полагаю, что суд не может основывать доказательства только на показаниях потерпевшего, хронического наркозависимого человека. Тем более, что эти показания ничем не подтверждаются.

Автор: Administrator
24.02.2016 21:38

Автор: Administrator
24.02.2016 21:38

